КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

УДК: 316.334.56
ББК: 60.546.21
DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-73-82

ГРНТИ: 04.41
Код ВАК: 22.00.08., 22.00.04

А.А. Дроздова
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Ю.А. Дроздова
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Волгоград, Россия
AuthorID: 659238

АННОТАЦИЯ:

Город создается из общего контекста потоков репрезентаций и взаимодействий его жителей – пользователей – горожан, транслирующих переживаемый опыт в определенном пространстве и времени. Манифестация этого актуального «бытия – в – мире» требует территориальной «точки сборки». Наиболее распространенной формой закрепления и «телесной досягаемости» совместного присутствия и социального взаимодействия является пространство города, включающее более 75 % населения мира, которых мы и определяем как горожан. Публичное пространство вырабатывает условия совместного присутствия людей и объектов, «динамику камня и плоти», статичного и мобильного, репрезентируемого (архитектура, транспорт и т.д.) и нерепрезентируемого – (скрытая сеть инфраструктуры вне зоны прямой видимости – технические системы, водоканалы). Анализ моделей городских сообществ представляется необходимым для понимания механизмов их формирования. Публичные пространства города задают особую модель социальной телесности путем регулирования практик конструирования и пользования доступных зон общей видимости, актуализирующих совместное присутствие горожан, их взаимодействия как основных пользователей и субъектов трансформации социальной среды. Кризисы крупных мегаполисов, проявившиеся в процессах отчуждения сообщества от локации, рост одиночества и нерегулируемых мест исключения в пространстве города вынуждают горожан формировать новые формы присутствия в городском сообществе – практики дистанционного соучастия в проекте конструирования киберполиса.

Научная новизна. В статье описана концептуальная модель современного городского сообщества в условиях роста новых социальных конфликтов в трансформирующейся социальной реальности. С одной стороны, в этой модели представлены данные объединяющего горожан городского активизма, а, с другой стороны, – индивидуальные стратегии жителей – «медиапартизан», поновому определяющие территориальную общность в ландшафте «постпубличности».

Методы исследования. Статья подготовлена на основе комплексного исследования, включающего как общенаучные: аналитический и прогностический методы, а также метод когнитивного моделирования для анализа актуальной модели трансформации городской общности; так и эмпирические методы комбинированной социологической стратегии (массовый опрос горожан и сельских жителей ($n = 516$); глубинные интервью с представителями городских общностей, $N = 10$).

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ».

© Дроздова А.А., Дроздова Ю.А., 2020

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: городские сообщества, горожанин, публичное пространство, медиапартизан, постпубличность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:
Анастасия Александровна Дроздова, Санкт-Петербургский государственный университет,
199226, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Кораблестроителей, 87, drozdova11n@gmail.com

Юлия Алексеевна Дроздова, кандидат социологических наук, доцент, Волгоградский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
400066, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8, juliadrozdova@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дроздова А.А., Дроздова Ю.А. Концептуализация городского сообщества в публичном пространстве современного города // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 73–82.

Введение и постановка проблемы

Публичное пространство города, его структура, элементы и функции всегда находились в «оптике» его пользователей – горожан: от античной парадигмы понимания публичного пространства (на примере агоры) как места рождения совместной истины во благо полиса до сформировавшихся теорий урбанизма, начиная с XX века как реакции на острые проблемы трансформации физического ландшафта. Анализ практик включения локальных сообществ в процессы публичного взаимодействия в рамках города был осуществлен в работах С. Лоу, Д. Митчелла (закрытые сообщества) [1], Д. Харви (в анализе «права на город» и городского активизма в целом) [2], Э. Хьюза (в условиях шифрования публичного пространства) [3], М. Оже (в условиях смешения публичных и приватных форм общественных пространств, доминировании переходных форм – «не-мест») [4]. Зрелищность и открытость городского пространства в современных условиях становятся свойственны не только ограниченной территории: городской площади, улицам, а задействуют всю пространственную инфраструктуру, а также медиаландшафт. Событийные изменения ландшафта города расширяют проблемное поле для исследования и производства новых теорий урбанизма и позволяют предположить перспективы и направления трансформации публичной сферы пространства города: будет ли она полностью уничтожена, переопределена или локально медиатизирована.

Структура города, сформированная в результате символического перекодирования первично данного ландшафта природы, в свою очередь, определяет новый тип пользователя пространства – горожанина как активного субъекта, создающего многофункциональную среду жизнедеятельности в соответствии с личными/общественными установками, максимой удовлетворения потребностей, и трансформирующего ее в «сцену» манифестации своего актуального присутствия. Изменяются взаимодействия горожанина нового типа в системе территориальной общности, техники пространственного перемещения и освоения /присвоения города [5, с. 103].

Горожанин в «публичной» структуре города

«Публичное» интегрируется во все структурные и функциональные элементы города – его также можно обнаружить в пробелах между зданиями, за гаражами, в сети магистралей, то есть, во всех ориентирах локации, предполагающих пользование горожанином. Данный процесс трансформации определения публичного и доминирование переходных форм публичного М. Оже характеризовал в терминах производства «не-места»: «Не-места – это и сооружения, обеспечивающие ускоренный круговорот грузов и пассажиров (скоростные магистрали, пересадочные узлы, аэропорты и автозаправки), и сами средства транспорта, а также крупные торговые центры и места долговременного пребывания, приютившие в себе беженцев нашей планеты» [4, с. 41]. Вследствие этого, пользователь пространства задает пределы открытого пространства при условии участия в конструировании среды обитания. Принадлежность

к городскому сообществу определяется этим правом и активностью участия в этих процессах расширения публичного пространства.

Горожанин как пользователь пространства задает границы публичного пространства активным участием в планировании и преобразовании городской среды в качестве соучастника, имеющего множество ролей: от современного фланера до активиста, участвующего в проектах благоустройства и реанимации городской среды [6, с. 171]. Городское сообщество артикулирует общественный интерес, создает условия для проявления множественной территориальной идентичности, определяет публичное пространство в качестве места её «сборки».

Современный город производит места ситуативного публичного взаимодействия, затрудняющего формирование городского сообщества: городской парк, определяется в качестве переходной зоны от места работы до дома, общественный транспорт или лифт в тесном соприсутствии незнакомых тел характеризуются промежуточностью публичной формы, закрытым «полупубличным», «частно-публичным» местом [7, с. 25]. Мы наблюдаем реконструкцию маргинализированных индустриальных центров и их «реанимацию» в качестве креативных пространств, альтернативных «лофтов» и новых фаланстеров, включающих интенцию к постоянному взаимодействию и функциональному совмещению. Путем интеграции механизма манифестации повседневных практик (демонстрация власти суверена или ритуальные шествия), улица из исключительно транзитного элемента трансформировалась в место коллективного сплочения и пространственной солидарности [8, с. 12]. Однако мы можем констатировать и исключение «тротуарного» взаимодействия из повседневной оптики города: глобальные процессы реновации и реконструкции среды, травмирующее возведение строительных заборов, повсеместное расширение велодорожек вытесняют горожанина объектными элементами публичного пространства города, что также затрудняет формирование городского сообщества и трансформирует практики его функционирования.

Механизмы формирования городского сообщества

Современный город определяет механизмы нового опыта совместного проживания. Например, возрождается опыт творческих коммун как практик соприсутствия на основе общности интересов, совместной деятельности и свободного времени. Или кондоминиумы как форма совместного распоряжения и пользования жилым пространством по аналогии с реанимированными формами кооперативов и ТСЖ. Так, 48,5 % опрошенных горожан считают, что «жизнь в городе зависит полностью от них самих», 36,5 % респондентов готовы участвовать в благоустройстве территории по месту жительства.

В повседневном режиме оптики взаимодействия горожанин определяет свою причастность к локальному сообществу в стихийной форме спутника общего маршрута рутинного передвижения и присутствия Других, субкультурных групп и концептуальных лиг. Городские сообщества, претендующие на пользование публичным пространством (например, требование общего, без ограничений доступа в парковые зоны и другие «локусы» города), в этой борьбе заявляют свои гражданские права на изменение бытия (социальной, экономической, политической и пр. жизни). 72,8 % горожан, принявших участие в опросе, обеспокоены отсутствием солидарных связей между горожанами, считают, что в городе «чаще всего каждый занимается своим делом, не мешает другим».

Формы коллективной локализации «заботы», идейная гражданская сплоченность, в предельных проявлениях активизма резидентов – горожан, – способны перекодировать пространство города через множественные формы телесного взаимодействия: блокирование доступа в здания общественного пространства («сидячие забастовки»), «оккупация» общественных зон стихийными палаточными лагерями и т.д. [6, с. 175] Проведение митингов и стихийных пикетов на городской площади, акции и выступления конституируют неотъемлемую связь горожанина с местом актуализации его присутствия – городским пространством и городским сообществом.

Для формирования городского сообщества современное публичное пространство города должно соответствовать следующим характеристикам: удобство регулируемого доступа, «ясность направления и границы безопасности» [9, с. 59], социальное «чувство улицы», заполняемое монументальными формами. Элементы благоустройства городской среды, такие как, появление искусственного освещения и коммуникаций, обеспечивают доступ и продлевают период пребывания горожанина в публичном пространстве. Для 51,7 % респондентов грантовского исследования важны благоустройство города; для 30,5 % – вопросы безопасности в городской среде; 57,9 % опрошенных горожан обеспокоены состоянием дорог и улиц, инфраструктуры города.

Однако интеграция техник пространственного регулирования, трансформация структуры публичного могут повлечь за собой обострение проблем доступа и социального неравенства. Наличие формального закрепления на территории национального государства (гражданства) становится определяющим принципом механизма инклюзии и эксклюзии городского пользования [2, с. 86]. Мигранты и беженцы, маргинальные группы образуют сообщества «пространственного исключения» в неспособности полноценного признания их частью публичного пространства города, а практики сегрегации и принудительного выселения оправданы необходимостью восстановления общественного порядка. Также происходит формальное вытеснение маргинального образа жизни из определения публичного через регулирующие нормативные акты: официальный запрет на распитие спиртных напитков в общественном пространстве, публичное мочеиспускание и т.д. [10, с. 64] Однако стоит учитывать, что маргинальные общественные группы могут представлять себя легитимной частью публики только в публичном пространстве города, когда происходит замещение приватной сферы постоянным пользованием общественных мест. Эти группы формируют другие городские сообщества, образуя разрывы в пространстве города, изменяя ландшафт зон зримости и сокрытия.

Такие разрывы в пространстве города образуют и привилегированные формы «закрытых сообществ». Сета Лоу рассматривает «закрытые городские сообщества» (gated communities) на примере семейных общин и элитных закрытых курортов США (Llewelin Park, Eagle Ridge, New Jersey) и объясняет их формирование следствием веры резидентов в иллюзию «безопасного святилища» [1]. Таким образом, проблема определения свободного доступа в общественные места, механизмы эксклюзии из определения и пользования пространством города бездомных и маргинальных или преднамеренно привилегированных групп подчеркивают необходимость постоянной реактуализации и пересмотра понятия публичного и новых концептуальных моделей городского сообщества. Принцип исключительности формируется вследствие образования символической и пространственной границы права доступа к определению публичного пространства. Готовность принять чужеземцев и бесконечно блуждающих номадов (мигрантов) также формирует пространство гигаполиса как технику совместного выживания нерегулируемого потока населения в борьбе за локацию.

Возможность равного пользования публичным является определяющим критерием легитимной причастности к локации: нерегулируемая миграция и оккупация пространства маргинальными пользователями, угрожающими безопасности основного населения, попытка их изъятия из дискурса городской среды через применение практик остракизма и депортации, формирование анклавов и «гетто» – все эти процессы могут повлечь за собой ликвидацию структуры общественного места и затруднить формирование городского сообщества. Отказ в доступе к пользованию публичным пространством ведет к формированию пространства исключения. На наш взгляд, для динамичного развития пространства города необходимы формы «конфликтного соучастия», то есть совместное присутствие различных локальных сообществ (маргинальных и привилегированных).

Темпоральность присутствия в структуре публичного, подвижность границ и незакрепленность призывают к интенсивной событийной наполняемости, что неизбежно ведет к производству избыточности и фрагментации

пространства города. Сосуществование множества пространственных режимов, фрагментация контекстов, подвижность границы, разделяющей публичное и приватное, центр и периферию, определяет город как пространство гетеротопии [1]. В условиях тотального номадизма происходит трансформация территориальной сегрегации и локальной идентичности: пока в Москве традиционно сохраняется районное зонирование сообществ (жители Одинцово, Чертаново и т.д.), а в Петербурге жители разделяются в пространственном определении на «центр» (исторический) и «периферию» (район новостроек). Жители будущих гигаполисов будут представлять глобальное «городское сообщество» с локализацией в медиапространстве.

Виртуальное пространство и городские сообщества

Виртуальное пространство, направленное на поддержание иллюзии общего доступа в отсутствие территориальной и классовой дифференциации, становится новым пространственным ориентиром города, размывающим границы между публичным и приватным, определяющим легитимность их взаимозаменяемости. В этих условиях возникает новая модель виртуального городского сообщества. Городской мегаполис становится местом скрытой изоляции публичного пространства и утраты личного в тотальности механизма общественного регулирования, порождающего интенцию к выживанию. События стали переживаться и «потребляться» не только в условиях действительного присутствия в публичном, как это было в рамках классического определения агоры, но стали актуально возможными в любом месте переходных форм соучастия [11, с. 100].

Временность пересечения информационных потоков воспроизводится в виртуальной архитектуре: «флуотичность» пространства уничтожает представление о пространственных границах, формирует модель «сетевого урбанизма», задачей которого становится кодирование функционального города – киборга, сенсорных зон «тактильно воспринимающей среды» и интерактивных фасадов зданий. Горожанин становится пользователем цифровой публичной сферы (user) и выступает в качестве посредника конструирования новой среды киберполиса: в компьютерной игре строит дома, облагораживает территорию, имеет виртуальный статус горожанина. Человек, трансформируясь в дигитального управленца пространства своей жизнедеятельности (web-дизайн), виртуально присваивает, управляет маршрутами путешествий и объективирует места посещения рамками фотоснимков. Сетевое пространство пересечения схожих кодов информационных потоков и артикулированных в публичном индивидуальных интересов формируют новый тип городских медиасообществ (виртуальных поселений киберпространства). Процесс объединения людей на виртуальной платформе в форме совместной репрезентации реакции на событие (стихийный траур, виртуальное сопереживание или общее празднование в социальных сетях) определяет горожанина как ремейк фигуры фланера – очевидца динамики происходящего, но не активного взаимодействующего участника. По мнению информанта гранта, *городское сообщество ушло в Интернет. Там активность значительно выше и готовность участвовать в благоустройстве двора, города, <…> городских событиях. Но дальше коммуникации в сети дело не идет, … такая «диванная активность»* (городской активист, мужчина, 30 лет).

Глобализированное медиапространство представлено в виде информационной сети, которая функционирует для взаимного пересечения потоков взаимодействий, однако, при этом маскирует подлинную идентичность их пользователя. Через практики борьбы за сохранение территории и собственного публичного облика горожанин трансформируется в фигуру медиапартизана, определяющегося в максиме заботы о виртуальном облике тела и статусном закреплении с помощью приложений графических редакторов и социальных сетей и пространственном маркировании. Персональные медиа представлены в качестве сопроводительного элемента регистрации присутствия пользователя и событий городской среды. Пространственные «хештеги» (конструкт сервисов геолокации) контекстно выделяют локусы местности: называя и, тем самым, «создавая» новое место и сеть

взаимоотношений, медиапартизан повседневности определяет новую тактику восприятия пространства. Электронное маркирование событий, применение хештегов выступают в качестве катализаторов стихийного роста соприсутствия городских пользователей, но при этом подчеркивающих необходимость реального участия в формировании общественного пространства: сохраняется автохтонное «закрепление» публичной активности, необходимость «выхода» в физическую реальность городской среды.

Медиапартизаны подчеркивают тождество физического пространства улицы и цифрового интерфейса в качестве современных атрибутов гражданской активности, через которые раскрывается динамика взаимосвязи медиаискусства (public art или Net art) и политических форм публичного пространства. Например, действия группировки Electronic Disturbance Theater (1997) были направлены на оказание поддержки движению сапатистов в Мексике после вооруженного подавления протестующих в Чапасе путем DDoS-атаки на портал их правительства [12, с. 68].

Осознание невозможности быстрой организации реакционного движения в физическом пространстве и радикальных действий в вакууме публично регламентированной структуры города, «немота улиц» стали побуждающим мотивом переноса медиапартизанства в виртуальную форму сопротивления (*хактивизм* как явление дистанционного протеста киберпространства). Наиболее распространенной практикой виртуального активизма горожан являются DDoS-атаки, то есть множественное дублирование ложных запросов или повторная перезагрузка URL-адреса, замедляющих работу правительственных сайтов и направленных на блокировку обслуживания сервера. Техника программы «цифрового гражданского неповиновения» (electronic civil disobedience) как ненасильственная форма проявления гражданской солидарности и дистанционной сопричастности (virtual sit-in как модификация «сидячей забастовки») направлена как против цензуры и сокращения доступа в виртуальном пространстве, является ответной реакцией на насильственное ущемление прав граждан, боевые действия в реальном пространстве города [12, с. 80]. Движение Anonymous, организованное в 2003 году на площадке 4chan, в своем манифесте объявляет кибервойну всем структурам, угрожающим ущемлением гражданских прав [12, с. 71]. Взлом правительственной переписки и интеграция в проведение международных соглашений становятся основными защитными мерами фигуры медиапартизана в рамках виртуального пространства в условиях политического конфликта. Эти формы коллективной организации протеста демонстрируют также иные модели городских сообществ.

В «мирное время» горожанин участвует в дистанционной организации пространства: онлайн-голосование при выборе территории благоустройства или через пожертвования в фонд развития городской среды создают возможность идентифицировать себя с городским сообществом.

Изобилие инструментов манифестации присутствия в городской среде – от определения геолокации до множественных социальных сетей и графических редакторов – дигитально закрепляют причастность горожанина к событийности города и скрывают инстанцию контроля и субъекта цифровой видимости, выявление которого приводит к отчуждению пользователя от киберлокации. Запрос разрешения на использование файлов «cookie» при входе на сайт путем принуждения к согласию на сбор персональных данных определяет посетителя и статистику его действий в виртуальном пространстве. Горожанин становится мишенью капитализированного уничтожения инструментами медиа, разрушающими границы между публичным и приватным. Невозможность скрыть частную жизнь в публичных формах медиапространства приводит к максиме создания приватной сферы в рамках виртуального через внедрение механизма анонимных транзакций [8]. Жители современного города при осознании инстанции превентивной просматриваемости, уничтожения приватного и подлинного, могут пользоваться локусами интерфейса через «VPN-серверы» (частной Сети), что значительно усложняет работу вычисления пользователя по IP-идентификации.

Современный горожанин – пользователь пространства актуализирует свое присутствие в структуре города в выборе полярных максим: «транспубличности» – осознанной самоэкспонируемости как практики вытеснения сокрытого и «прозрачного» соприсутствия, и «постпубличности» как новых условий формирования городского сообщества, в которых происходит борьба за кодирование и шифрование публичной сферы как техники конструирования новой приватности и автономности пользователей, новой городской идентичности.

Заключение

Современные исследования города разрабатывают множество концептуальных моделей городского сообщества. Развитие медиа позволяет трансформировать традиционное гетерогенное разделение территориальных сообществ в определении сложной фигуры горожанина в качестве основной фигуры конструирования и пользования публичного пространства. Горожанин как пользователь пространства города, определенный в модификации публики в фигурах фланера и городского активиста в практиках формирования и присвоения, в условиях современного города трансформируется в медиапартизана, конституирующегося в практиках заботы о публичном образе собственного тела и сетевой защиты «тела» города (хактивизм). При этом отмечаются процессы формирования стихийных локальных сообществ по интересам. Мы становимся свидетелями «перекодирования» статуса публичного пространства. С одной стороны, многие исследователи города отмечают незаполняемость и заброшенность общественных мест, помещенных в сувенирный вакуум (с маркированием исторического облика) и способных только к событийной реактивации во время проведения формально регулируемых парадов, общественных мероприятий и т.д. С другой стороны, в последнее время публичные локусы города становятся платформой гражданского взаимодействия, возрождая в качестве места политической активности: проведение митингов и стихийных пикетов на городской площади, акции и выступления конституируют неотъемлемую связь горожанина с местом актуализации его присутствия – городским пространством и городским сообществом. Возможности городских мест также выявляют усиленный механизм регулирования доступа и пользования: закрытые территории парков с ограниченным режимом посещения, внедрение дисциплинарного контроля форм публичности множественной охраной приводят к приватизации открытой локации и формированию новых пространств исключения (гетеротопии), что затрудняет формирование городских сообществ.

Для нас важно отметить неотъемлемую взаимосвязь физической среды и атрибутов медиа в перекодировании оптики понимания пространства актуального пребывания и определения горожанина как его основного пользователя и актора городского сообщества. Сетевое пространство, конструируемое в качестве спасения от угнетающих потоков физического ландшафта города и гарантирующее автономность горожанина в качестве user'a, в действительности захватывает и радикально трансформирует реальность, городские сообщества, становясь инструментом тотальной транслируемости и всенаходимости горожан (от внедрения внешних камер наблюдения до контроля персональных данных дистанционного взаимодействия). Дигитальные методы шифрования и интенция к сокрытию пользователя открытых серверов приводят, на наш взгляд, к формированию концепта «постпубличности», актуализирующего новые модели городского сообщества, еще не ставшие предметом научной рефлексии. Город, его событийная наполняемость, множественные формы взаимодействий горожан, включая виртуальное, определяют локализацию актуального соприсутствия («здесь и сейчас») пространственных объектов (улицы, дома, инфраструктура и т.д.), пользователя (горожанина) и манифестации его практик (жизнедеятельность в публичном пространстве) [13] и формируют на новых, постоянно изменяющихся, «текучих» основаниях городские сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Michiel D., Lieven De Cauter Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society. London: Routledge, 2008.

2. Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3. С. 80–94.

3. Хьюз Э. Манифест шифропанка [электронный ресурс] // Школа социологии. Магия, порнография, революция. URL: http://www.anarhvrn.ru/anarh/xaoc/shifropunk.html (дата обращения: 21.04.2018).

4. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

5. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011.

6. Кольба А.И., Кольба Н.В. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. 2019. № 2. С. 160–179.

7. Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике. Сборник статей. М. Новое литературное обозрение, 2017.

8. Трубина Е. Город в теории: опыт осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

9. Глазычев В. Л. Урбанистика. М. Изд-во Европа, часть 2, 2008.

10. Амин Э. и Трифт Н. Города: переосмысляя городское. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017.

11. Соколов А.В., Палатников Д.Е. Природа и конфликтные стратегии городских сообществ в условиях виртуализации политического пространства // Власть, 2019. № 6. С. 97-102.

12. Baldi S., Gelbstein E., Kurbalija J. Hacktivism, cyber-terrorism and cyberwar: the activities of the uncivil society in cyberspace. Malta: Diplo Foundation, 2003.

13. Mitchell D. The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. N.Y.: The Guilford Press, 2003.

CONCEPTUALIZING THE URBAN COMMUNITY IN THE PUBLIC SPACE OF A MODERN CITY

A.A. Drozdova
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Yu.A. Drozdova
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Volgograd, Russia

ABSTRACT:
A city is created from the general context of streams of representations and interactions of its inhabitants-users-citizens, who broadcast the experience in a certain space and time. The manifestation of this actual "being – in – the-world" requires a territorial "assemblage point". The most common form of anchoring and "body reach" of shared presence and social interaction is the city space, which includes more than 75 % of the world's population, which we define as citizens. Public space creates the environment for the joint presence of people and objects, the "dynamics of stone and flesh", static and mobile, representable (architecture, transport, etc.) and unrepresentable (hidden infrastructure network outside the line-of-sight – technical systems, water channels). Analysis of models of urban communities is essential for understanding the mechanisms of their development. Public realm of the city sets a special model of social corporeality by regulating the practices of constructing and using accessible areas of general visibility that mainstream the joint presence of citizens, their interaction as the main users and subjects of social environment transformation. The crises of large megacities, manifested in the processes of alienation of the community from the location, the growth of loneliness and unregulated places of exclusion in the city space force citizens to

form new forms of presence in the urban community – the practice of remote participation in the project of constructing a cyber-city.

Scientific novelty. The article describes a conceptual model of a modern urban community in the context of the growth of new social conflicts in a transforming social reality. On the one hand, this model presents data on urban activism that unites citizens, and, on the other hand, individual strategies of residents – "media partisans", which redefine the territorial community in the landscape of "post – public".

Method of research. The article is based on a comprehensive study that includes both general scientific: analytical and predictive methods, as well as a method of cognitive modeling for analyzing the current model of urban community transformation; and empirical methods of combined sociological strategy (mass survey of citizens and rural residents ($n = 516$); in-depth interviews with representatives of urban communities, $N = 10$).

The article was prepared with the support of RFBR grant no. 19-411-340002 "Territorial communities in the conditions of social transformations: socio-managerial analysis".

KEYWORDS: urban communities, citizen, public space, media partisan, post-public.

AUTHORS' INFORMATION:

Anastasia A. Drozdova, Saint-Petersburg State University,
20/2, Korablestroiteley str., Saint-Petersburg, 199226, Russia, drozdova11n@gmail.com

Yulia A. Drozdova, Cand. Sci. (Sociological), Associate Professor, Volgograd branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
8, Gagarina str., Volgograd, 400066, Russia, juliadrozdova@mail.ru

FOR CITATION: Drozdova A.A., Drozdova Yu.A. Conceptualizing the urban community in the public space of a modern city // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 73–82.

REFERENCES

1. Michiel D., Lieven De Cauter (eds.) Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society. London: Routledge, 2008. – (In Eng.).

2. Harvy D. Right to a city // Logos. 2008. № 3. P. 80–94. [Kharvi D. Pravo na gorod // Logos. 2008. № 3. P. 80–94.] – (In Rus).

3. Hughes E. A Cypherpunk's Manifesto [electronic resource] // School of Sociology. Magic, Pornography, Revolution [Khius E.A. Manifest shifropanka // Shkola sotsiologii. Magiya, pornografiya, revolyutsiya URL: http://www.anarhvrn.ru/anarh/xaoc/shifropunk.html (data obrashcheniya 21.04.2018)] – (In Rus).

4. Auge M. Non-Places: an Introduction to Supermodernity. Moscow: New Literature Review, 2017. [Ozhe M. Ne-mesta. Vvedeniye v antropologiyu gipermoderna. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017.] – (In Rus).

5. Foulcault M. Security, Territory, Population. St. Petersburg: Science, 2011. [Fuko M. Bezopasnost', territoriya, naseleniye. SPb.: Nauka, 2011.] – (In Rus).

6. Kol'ba A.I., Kol'ba N.V. City conflicts as a factor of civilian and political activization of local communities // Political science. 2019. №2. P. 160–179 [Kol'ba A.I., Kol'ba N.V. Gorodskiye konflikty kak faktor grazhdansko-obshchestvennoy aktivizatsii lokal'nykh soobshchestv // Politicheskaya nauka. 2019. № 2. P. 160–179.] – (In Rus.)

7. Cities' Own Logic. New approaches in Urban Studies. Collection of artivcles. Moscow: New Literary Review, 2017. [Sobstvennaya logika gorodov. Novyye podkhody v urbanistike. M.: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2017] – (In Rus.)

8. Trubina Ye. City in theory: an experience of making sense of space. Moscow: New Literature Review, 2011 [Trubina Ye. Gorod v teorii: opyt osmysleniya prostranstva. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2011.] – (In Rus).

9. Glazychev V. L. Urbanistics. Moscow: Europe Publishers, 2008. [Glazychev V. L. Urbanistika. M.: Yevropa Publishers, 2008.] – (In Rus).

10. Amin E., Trift N. Cities: Reimagining the Urban. Nizhny Novgorod: Red Swallow, 2017. [Amin E., Thrift N. Goroda: pereosmyslyaya gorodskoye. Nizhny Novgorod: Krasnaya Lastochka, 2017.] – (In Rus.)

11. Sokolov A.V., Palatnikov D.E. The nature and

conflict strategies of urban communities in the virtual political space // Power. 2019. № 6. P. 97-102. [Sokolov A.V., Palatnikov D.E. Priroda i konfliktnyye strategii gorodskikh soobshchestv v usloviyakh virtualizatsii politicheskogo prostranstva // Vlast'. 2019. № 6. P. 97 – 102] – (In Rus.)

12. Baldi S., Gelbstein E., Kurbalija J. Hacktivism, cyber-terrorism and cyberwar: the activities of the uncivil society in cyberspace. Malta: Diplo Foundation, 2003. – (In Eng.)

13. Mitchell D. The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. N.Y.: The Guilford Press, 2003. – (In Eng.)